

A close-up portrait of a man with short brown hair and light blue eyes, wearing round-rimmed glasses. He has a slight stubble and is looking directly at the camera with a serious expression. The background is dark and out of focus.

Кем представляет себя маньяк, занося нож
над очередной жертвой?

РОМАН ВОЛКОВ

ЧЕРНЫЙ ПОТОК

«Книга, которая убивает».
Ник Перумов

Эго маньяка. Детектив-психоанализ

Роман Волков
Черный поток

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волков Р. В.

Черный поток / Р. В. Волков — «Эксмо», 2020 — (Эго маньяка.
Детектив-психоанализ)

ISBN 978-5-04-115361-8

Что вы знаете о маньяках? Только то, что рассказывают о них по телевизору и в соцсетях – извращенцы с больной психикой... А вот маньяки знают о вас все. Самое главное – они знают ваши слабые места и могут воспользоваться этим. Страшную картину застали оперативники на месте первого преступления. Пожилой ростовщик и его слабоумный внук – оба убиты рубящими ударами по голове. Кровь и беспорядок в квартире. Что искал убийца? Оперуполномоченный уголовного розыска Петр Зигунов пока не знает ответа на этот вопрос. Сейчас его больше интересует бумажный сверток, зажатый в руке убитого старика. Возможно, это послание, в котором кроется разгадка жестокого преступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115361-8

© Волков Р. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Роман Волков

Черный поток

Автор сердечно благодарит за консультации сотрудников полиции, Следственного комитета, Прокуратуры, специалистов судебно-психиатрической и судебно-медицинской экспертизы.

Глава 1

Город сегодня угрюм и одинок, как и я, шагающий по его грязным улицам, ныряющий в повороты и вынырывающий из них.

Иду, закутавшись в куцее пальтишко, на голову надвинут капюшон, шваркаю ногами по лужам, руки в карманах, голова вжата в плечи.

Три часа дня, а на улице все черно-серое, никого нет на дорогах, только редкие машины фонтанируют из-под колес взрывами пены и ледяной воды.

Я чувствую, как промозглый порыв ветра заползает за воротник. Меня передергивает. Эта телесная слабость – я всегда мерзну, не могу отогреть руки, – бесит неимоверно. Озноб пробирает до самых костей, и я сжимаю кулаки, стискиваю челюсти. Нет уж! До финала еще далеко. Я спокоен и сосредоточен. У меня много дел. Пора начинать.

Привычным перебором я набираю нужные цифры кодового замка и открываю дверь. Код мне известен уже давно – узнать его не составило никакого труда. Было даже слегка обидно, что люди так небрежно относятся к вещам, способным в определенный момент спасти им жизнь. Впрочем, у них всегда так.

Сегодня будний день. До этого в подъезде делали ремонт, но нынче тихо. Я аккуратно прикрываю за собой дверь и осматриваюсь. Так и есть – никого. Прислушиваюсь еще несколько долгих минут. Нет, все верно – никого нет. В тишине подъезда слышно только поскрипывание песка под подошвами моих ботинок да бубнеж телевизора из ближайшей квартиры.

Я неспешно поднимаюсь на третий этаж. Крайняя дверь налево. Я подходил к ней уже раз двадцать, когда составлял план и осматривал территорию. Любой нормальный герой готовится к ПОСТУПКУ тщательно и щепетильно. Предусмотрительность – одно из тех качеств, которые отличают гения от «материала». Это совсем не сложно, потому что у меня нет сомнений, нет душевных метаний, нет тех глупых эмоций, которые мешают принимать решения. Думаете, это я себя уговариваю? Посмотрим. Но мне это незачем. Я УЖЕ знаю ответ. И он дает мне право вычеркивать людей из книги или вписывать их туда. Да, я – герой. Но я еще и автор. И как автору мне дозволено все.

И не нужно думать, что я безумный псих, мнящий себя богом. Я прекрасно отдаю себе отчет, что не могу влиять на законы природы. Я и не пытаюсь это делать. Но законы человеческие... Это совсем другое. Их я могу создавать сам. Вы говорите: общество диктует, уголовный кодекс и все такое? Ну вам, возможно, и диктует. Мне – нет. Законом, придуманным одними людьми для других, подчиняются те, кто ходит в стаде. Я же – пастух.

Чувствую бледную улыбку, которая трогает мои губы. Это улыбка облегчения. Я прекрасно помню, как долго мне пришлось идти к осознанию этого простого постулата. Долго и мучительно. Но я пришел. И вот я здесь, перед заветной дверью, за которой я получу окончательное подтверждение. И хотя сомнений у меня нет, для чистоты эксперимента все должно быть сделано правильно. По-честному.

Если уж я стал Героем, я должен им быть до конца.

Я нажимаю кнопку звонка и прислушиваюсь к звукам квартиры за дверью. Недовольный голос, шарканье старческих шагов. Щелкает замок, и рассохшаяся старая дверь со скрипом приоткрывается. Звякает цепочка. Старый хрыч думает, что она может остановить, если кто-то серьезно решит войти внутрь. Ну-ну.

В щель на меня смотрит слезящийся подозрительный глаз в обрамлении миллиона морщин и складок.

– Добрый день, – говорю я немного нервно. Именно так должен звучать голос моего персонажа. Я пришел поговорить насчет дорогого артефакта. Я нищий, растерянный и испуганный. Думаю, мой визави видел таких индивидов бесчисленное количество раз. Я таких, как он,

тоже видел немало. Сколько себя помню, моя мама продавала на рынке дедушкины медали ради моего обучения в столице и закладывала все, что можно, чтобы выдать замуж сестру в той же столице... Были и покупатели, такие же, с таким же мерзким запахом... Сейчас я помнил их уже довольно смутно – все они (включая родительницу) остались в другой жизни, где был прежний я. Дрожащий и беспомощный. А от него во мне ничего не осталось.

Я смотрел на собеседника и понимал, что не чувствую к нему ничего. Ни злости, ни обиды, ни даже неприязни. Ни-че-го. Теперь для меня в нем главным было не мое прошлое, не мои воспоминания, страдания или ассоциации, а возможность осознать безграничность возможностей.

Как же хорошо у меня получается это суетливое заискивание в голосе, прямо слух ласкает. Такое искреннее.

– Я насчет той вещицы. Помните, я вам писал? Вы сказали подойти к...

– Аааа, – перебивает меня похожий на карканье голос. – Помню-помню, да.

Глаз окидывает меня подозрительным взглядом. Слегка прищуривается.

– Да-да, помню... Давайте обсудим... Я не привык пускать в дом чужих...

Нет, это в мои планы совсем не входит. Тебе придется открыть дверь, старик.

Я нерешительно сую руку в карман, а затем останавливаюсь, как будто пораженный сомнениями. Смотрю просящим взглядом на деда, поджимаю губы и часто моргаю. Видишь, плесневелый сморчок, до чего ты человека довел? Я сейчас разрыдаюсь.

– Прошу прощения, но, может, вы меня впустите? Все-таки вещь дорогая. Не хотелось бы вот так, на лестнице...

– Ладно-ладно, – снова перебивает морицинистый лепрек. – Господи боже, какие все нежные стали. Заходите. Как вас зовут, замятовал? Э-э-э... Рома, кажется?

– Точно так.

Старик снимает цепочку и открывает дверь пошире. Я переступаю порог.

Вот и все. Сейчас я получу окончательный ответ.

Глава 2

– Петя! Петя!

– Да, пап. – Зигунов ответил без особого удовольствия, но с ощутимыми нотками усталого терпения, как говорят с тупыми детьми или спивающимися родителями.

– Петя, ты не занят?

Зигунов посмотрел на труп, потом на второй. Над мальчишкой, словно пытаюсь оживить его искусственным дыханием изо рта в рот, склонился судмедэксперт.

– Ну так... Что там, говори.

– Петя... Ну чего суетишься, опять Катя, что ли, нервы мотает?.. Я это... – Отец долго шуршал в трубке. Все уже было очевидно, но пару минут придется потерпеть. – Стихотворение хотел тебе почитать. Из моей милицейской практики. И тебе тоже полезно будет. Называется «Засада». Я тут разбирал на даче-то со скуки и нашел...

Петр отодвинул телефон от уха, сжал его в ладони и подбородком показал на маленький сверток, который судмедэксперт осторожно извлек из крепко сжатого кулака первого убитого, сухонького старичка с наполовину снесенным черепом.

– ...Да... Засада, – продолжал отец, шурша своими рукописями. – Это я ж на самом деле в 1974 – м сидел в засаде, как сейчас помню... А уж Куничкин помер вот, старлей тогда был... В общем, «Засада». Четвертый час утра, мы ждем в засаде зверя...

Петр опять отодвинул телефон от уха (тем более что стихотворение «Засада» он слышал от отца уже раз тридцать) и еще раз внимательно осмотрел место происшествия. Это была просторная двухкомнатная квартира в новой монолитной многоэтажке в центре города.

Первый убитый лежал на спине в прихожей. Это был старик лет шестидесяти пяти, в синем спортивном костюме, тапочках на босу ногу и белой футболке.

Судмедэксперт бормотал, выковыривая бумажку:

– Смерть наступила приблизительно восемь часов назад, удар нанесен рубящим предметом, предположительно топором. Скошенность края, плоские разрубы свидетельствуют о большом угле наклона при внедрении оружия. Убийца нанес удар правой рукой... Да что он там держит?

– ...Советских граждан сон! – закончил отец и сразу же продолжил: – Хорошее стихотворение! А ты как, Петя, пишешь? У тебя же такие хорошие рассказы были...

– Пишу, пап, пишу, – ответил Зигунов, кивая следовательно Следственного комитета, который вел протокол осмотра места происшествия.

– А то я ходил недавно в журнал наш, ну «Сура», и...

– Пап, извини, не могу уже. Давай вечером расскажешь. Гуляй, дыши свежим воздухом и не пей! Все, пока.

...Петр пихнул телефон в карман и нетерпеливо повернулся к судмедэксперту:

– Ну? Что там у него?

В ответ медик посмотрел на него снизу вверх и протянул следовательно на голубоватой резиновой ладони маленький бумажный сверток, перетянутый коричневой бечевкой.

– Вот, посмотрите.

– Понятые, внимание! – гаркнул следак.

– Еле пальцы разжал. Как-то он прямо кулак сжал во время смерти и подкоченел.

Комитетский следователь, которому выпала радость вести это дело, Егор Владимирович Клименков, лысеющий рыжий крепыш, напоминавший Петру ирландского лепреккона, волей судьбы выросшего в лесу под Брянском, осторожно взял сверток и взвесил его на ладони – тяжеленький. Бумага обычная, белая, от офисного принтера, бечевка уколола руку. Такой в полужабытом детстве перетягивали посылки перед Новым годом.

Потом протянул Зигунову.

– Развязывай, уже отфоткали...

Судмедэксперт аккуратно присел рядом с телом, стараясь не попасть на потемневшие от крови участки ковра, гримасничая, поправил очки и с интересом уставился на оперативника.

Зигунов положил сверток на пыльное фортепьяно и внимательно посмотрел на узел – полуразвязанный. Он медленно потянул за второй конец бечевки, потом, не дыша, раскрыл пальцами бумагу.

Обычный камень.

Внутри лежал камень. Зигунов придирчиво осмотрел его, попробовал пальцем в перчатке серую шершавую поверхность. Обычный кусок дорожного гравия, ничем не примечательный. Тут, рядом с домом, как раз рассыпана куча. Какая-то чушь. Он еще раз взгляделся в тусклые серые гани. На бумаге не было никаких записей и пометок.

Как поведал медик, в руке Семена Марковича Красовского, директора городского отделения микрокредитных контор «Деньгомиг», был зажат камень в бумажке, и он так его и не выпустил, даже получив два удара по голове. И все это имело бы смысл, если бы речь шла о ковбойском фильме, где герои в мохнатых шубах умирают, не выпустив из кулака самородки, но на убитом был спортивный костюм модели «Олимпиада-80», а орудием убийства был совсем не «смит-энд-вессон», а нечто куда более похожее на томагавк.

Судмедэксперт, кряхтя и охая, поднялся с пола и заглянул Зигунову через плечо.

– Да уж... Стоило так цепляться. – Он прокашлялся. – Теперь по поводу трупов, если вкратце...

Он подцепил Зигунова и Клименкова за локоть и, уже привычным движением переступив тело, вывел из прихожей в комнату – подальше от понятых, которые явно заскучали сидеть на табуретках с недовольным, нахохленным оперативником и теперь вытягивали шеи что есть сил, пытаясь разглядеть что-нибудь через стекло межкомнатной двери.

– Мои предположения таковы. Первый удар старику нанесли со спины, причем, судя по углу наклона, перед этим жертва сильно нагнула голову. Наверное, повернулся к лампочке, посмотреть на этот сверток, тут убийца и нанес удар в область затылка, примерно так. – Медик расставил ноги и махнул в воздухе резиновым кулаком. – Удар был такой силы, что жертву развернуло, и второй удар – смертельный, раскроивший височную кость, – она получила уже лежа на полу.

Петр молча кивал головой, задумчиво глядя туда, куда тыкал резиновым пальцем судмедэксперт, но все равно не мог избавиться от навязчивой картины – лопнувший от спелости гранат на азербайджанском рынке, куда ходил в детстве с отцом, и жирные черные мухи, которые ползают внутри...

– И второй труп... Ох. – Медик потер толстую переносицу рукавом халата и затараторил, стараясь побыстрее выдать информацию: – Молодой мужчина, подросток, если быть более точным, предположительно шестнадцати лет, полного телосложения, множественные ранения области головы, шеи и правой руки. Нанесены тем же оружием... Это тоже предположение, скажем точно после вскрытия... – Продолжая говорить, он извлек из кармана пачку сигарет и ловко выстрелил одну из них себе в рот, но, встретив неодобрительный взгляд Зигунова, нахмурился и не стал закуривать. – Ох... Как я уже говорил – почти наверняка топором. Скорее всего, это был туристический топорик или что-то вроде, не слишком большое, но тяжелое.

– Томагавк? – зачем-то спросил Зигунов.

– Что? А, ну да, что-то вроде томагавка. Но скорее что-то с более широким лезвием. Что еще сказать... Убийца – сильный физически, удар нанесен справа, наверное, это пока все. Остальное будет в заключении, сам понимаешь, пока секционная, экспертиза, то да се – это несколько дней... – Сигарета, словно у фокусника, снова возникла у него во рту, и, чиркая

на ходу зажигалкой, он направился к входной двери. – Короче, если проявится вдруг что-то интересное – я телефон помню.

Дверь захлопнулась, и из-за нее раздался звонкий резиновый звук снимаемых перчаток, гулкий в пустоте лестничной клетки. Петр мрачно огляделся: в большой комнате, обставленной с шиком конца восьмидесятых – лакированной мебелью и хрусталем, царил разгром – содержимое полок в спешке было свернуто на пол, книги валялись, бесстыдно распахнув страницы, разоренные шкафы сиротливо чернели пустотой. Но дальний угол у окна сохранился нетронутым, а в детскую преступник, похоже, вовсе не заходил. Все верно, участковый говорил, что убийцу спугнули. Сосед снизу, бдительный старичок, услышав шум и крики мальчика, принялся звонить в дверь, потом спустился обратно за телефоном, и в этот момент убийца улизнул.

Но... Квартира после ограбления – картина Зигунову знакомая и привычная, а тут... Смущала какая-то неряшливость, нарочитый непрофессионализм. Раскрытый и вывернутый бумажник Красовского валялся в метре от тела, однозначно намекая на мотив ограбления, но при этом часы, навскидку не из дешевых, с руки не пропали. Такой старый хрыч больше пары тысяч в кошельке нипочем таскать не будет, ребенку ясно, а вот статуэтки на верхних полках, картины на стенах...

Интересно было бы загнать сюда оценщика, чутье подсказывало Зигунову, что антиквариата тут – еще пару-тройку таких квартир купить можно. Сейф под ванной, который опера обнаружили через три минуты пребывания в квартире, преступника, похоже, не заинтересовал вовсе. Да, грабитель из него дерьмовый, опер хмыкнул было, но сразу осекся. Зато убийца превосходный, хладнокровный, без раздумий и жалости.

Петр еще раз внимательно осмотрел тело пухлого паренька. Толстые губы, глаза навыкате, на лице застыло добродушно-удивленное выражение, которое не смогли изменить даже несколько ударов топора. Футболка с «Человеком-пауком» почернела от крови, в темной луже на полу запеклись разноцветные детальки конструктора.

Участковый рассказывал, что у Антоши Красовского было заболевание, что-то связанное с задержкой развития, он даже говорил невнятно и с трудом, вряд ли он представлял опасность. Но убийцу это не остановило.

– Товарищ майор, Петр Сергеич! С понятыми еще будете общаться?

В голосе опера с экзотической фамилией Республиканский, как всегда, звучала скрытая нота недовольства. В отделении ходили слухи, что его прадед носил совсем другую фамилию – Богов, но во время революции с такой силой уверовал в красную звезду и черный маузер, что быстро продвинулся по идеологической линии и стал известным на Кубани красным комиссаром. В честь него даже назвали улицу в родном городке, но судьба продемонстрировала свой ироничный оскал, и в девяностые, когда идеологическая линия дала резкий поворот, улицу Комиссара Республиканского переименовали обратно в Богоявленскую. За распространение подобных слухов можно было запросто попасть в список личных врагов Республиканского, хотя все работники отдела уже наверняка были в этом списке. Зигунов посмотрел на его тощую фигуру, вопросительно застывшую в дверях, и ясно представил его в черной комиссарской коже, с наганом и непримиримой ненавистью к врагам революции в глазах. Что-то в этом было...

– Товарищ полицейский, у нас бабушка с ребенком сидит, ей на вахту ехать пора...

Понятые, молодая тихая пара с верхнего этажа, робкими тенями маячили за спиной у опера, круглыми глазами оглядывая разгромленную комнату.

– Протокол подпишете – и сразу отпустим. – Петр потер ладонями лицо и встал на ноги. – Эээ... А куда делся Клименко?

– В детской, протокол дописывает. – Республиканский насупился. – Сказал, что от меня негативная энергетика...

– Константин, – Зигунов серьезно посмотрел на подчиненного, – ну если это официальное мнение комитетских – значит, так оно и есть, не нужно спорить, лучше с энергетикой разберись, на йогу запишись, что ли, на аюрведу там... Ладно-ладно, шучу, не кипятись ты! Скажи лучше, что тебе эти хипстеры интересного рассказали.

Опер недоверчиво глянул исподлобья и принялся шуршать протоколом объяснения, разложенном на кухонном столе.

– Да ничего нового, по сути, к тому, что участковый сказал. Красовского ругают, говорят, задолбал весь подъезд. Постоянные склоки, жалобы, угрозы. Жаловался на шум постоянно. А один раз пришел к ним и сказал, что, если шум не прекратится, придут ребята и сделают так, что их мальчику будет больше нечем топать. Нормальный аргумент, да? Зато внук его, видимо, был добрый малый. Раньше всегда помогал им коляску поднимать по ступенькам, играл с малышкой на площадке, пока дед ему не запретил.

– Почему запретил, что-то случилось? – оживился Зигунов.

– Да. – Республиканский хмыкнул и принялся аккуратно складывать листы обратно в папку. – Случилось. Пацан забрал из дома набор статуэток фарфоровых – типа балерины маленькие такие, там на верхней полке в комнате стоят, видели? – Петр утвердительно кивнул, семь хороших статуэток танцовщиц, раскрашенных в цвета Дега, сразу приметились его глазу, привыкшему искать прекрасное везде, где можно, в неприглядной ментовской реальности. – Ну так вот, – продолжал опер, – он этих «куколок» своим друзьям со двора раздавал! Красовский, говорят, просто в ярости был, когда эти фигурки обратно у детей отнимал, опять-таки угрожал расправой.

– Да, дедуля мастер был врагов себе наживать... Интересно, что заявление никто не... А, Чигаркин!

В прихожей послышались щелчок замка, возня и пыхтение, а через секунду на кухню ввалился отдувающийся оперативник.

– Поговорил я с дворником, – отдышавшись, начал он на немой вопрос старшего оперативника, – если можно так сказать. Ни хрена он не видел с десяти до полудня, кроме бутылки и стакана, как и последние три дня. Вообще народу дома в это время почти не было, все на работе, мамашки с детьми на прогулке. Красовский вообще вел замкнутый образ жизни, ни с кем не дружил и плотно не общался, кто он такой и чем занимается, в подъезде знали единицы. Внука его знали лучше, в основном благодаря детской площадке, говорят, хороший парень был, что тут скажешь... Ух, набегался я по этажам, никакого спортзала не надо...

Чигаркин пригладил седой ежик и принялся обмахиваться листами протокола, аккуратно сложенными на кухонном столе. Республиканский, глядя на это, едва слышно зашипел, но не сказал ничего. Злиться на толстяка-напарника было бесполезно, это он знал по опыту, в ответ он только примирительно улыбался и продолжал вносить вокруг себя тот постоянный маленький беспорядок, от которого у Республиканского начинал дергаться левый глаз и возникала непреодолимая тяга кого-нибудь пристрелить.

Чигаркин, давно разменяв пятый десяток, до сих пор сидел в капитанах. Начальство не любило его, то ли за какие-то диссидентские выходки в прошлом, то ли за чересчур мягкий характер, ходу ему не давали, а в последние годы все пытались отправить на пенсию из-за лишнего веса и вообще несоответствия нормативам. Зигунову как начальнику отдела по раскрытию убийств и других тяжких преступлений против личности – или «убойного отдела» – не раз приходилось защищать подчиненного перед высоким начальством, спасая от увольнения, и тут было за что бороться – как оперативник Чигаркин был просто бесценен.

Разговорить молчуна, войти в доверие, собрать информацию – тут ему не было равных. В разговоре с веселым толстяком-добряком многие теряли осторожность и болтали лишнего, а уж он ничего никогда не пропускал и не забывал. Ну и конечно, за столько лет оперативной работы он знал каждую собаку в городе и через своих информаторов мог узнать, что съел на

завтрак и как сходил в туалет практически каждый его житель. Зигунов держался за этого оперативника как мог, но в прошлый раз в управлении ясно дали понять, что этот год для Чигаркина будет последним в органах.

– Больше всего информации удалось получить от пенсионера с нижнего этажа, который тела нашел. – Пожилой опер наконец отдышался и шлепнул бумаги обратно на стол. – Рассказывает, что Красовский несколько лет назад ему собаку отравил. Пес часто лаял по ночам, мешал спать. Прямых доказательств не было, но старик уверен, что это Красовский, потому что тот накануне пообещал «накормить шавку до отвала», а через два дня пес подобрал на лестнице кусок колбасы с отравой. Да... Прикольный дед, оказывается, летом тоже на водохранилище ездит рыбачить. У него там гараж с лодкой моторной, так он...

– Хорошо, ясно, – остановил его Петр. – А что там твоя агентурная паутина сообщает?

– Ну я позвонил паре старых знакомых, в коллекторские агентства много кто после работы в органах идет, но все как один говорят, что с «Деньгомигом» работают только отморозки. Настоящие бандюки, Красовский разрешал им работать с развязанными руками – лишь бы был результат и клиенты платили денежки, вот они и беспредельничали. Кстати, помните пожар на Ясеновой, после Нового года?

Полицейские переглянулись. Частный дом на Ясеновой выгорел дотла, а вместе с ним сгорела двухлетняя девочка, забытая родителями в кровати. Причину пожара тогда так и не установили.

– Их рук дело? – удивился Зигунов. Чигаркин неопределенно покачал головой.

– Люди говорят. В любом случае погорельцы были должны «Деньгомигу» уже пару месяцев на тот момент, и все стены у них были расписаны типа «Верни долг, урод!». Но доказать что-то сейчас – сами понимаете...

– Ладно. Ясно, что ничего не ясно. – Он поглядел на часы и встал на ноги. – Так, я пойду, поговорю с Клименковым, потом в Управление еще ехать, посмотрим, что скажет Комитет по поводу всего этого. Ничего хорошего, и так понятно. – Опера тоже поднялись на ноги и в ожидании смотрели на Зигунова. – Так, ну что – Комитет возбуждает уголовное дело, и вы дуйте в центральный офис «Деньгомига», потрясите их там хорошенько – пусть выдают списки должников, особенно тех, кого их мордовороты в последнее время прессовали особо жестко. Пройдитесь по ним, пробейте каждого тщательно. Ну и, естественно, местные психи, буйные алкаши, прочие ненадежные элементы этого района, все как вы любите. Что с родственниками, кстати?

– Пытаемся связаться с дочкой, она живет в коттеджном поселке, – Чигаркин пожал плечами, – соседи ее давно не видели, вроде как она лечилась от наркомании последние годы и судьбой сына не особо интересовалась.

– Сообщайте немедленно, как что-то будет всплывать!

Клименков поднял взгляд от протокола и подпер голову рукой.

– Ааа... Петр Сергеич! Присаживайся!

Зигунов плюхнулся на стул под плакат с тем же Человеком-пауком, поправив полиэтиленовый чехол.

– Что, достал совсем Республиканский? – Петр сочувственно поглядел на следователя.

– Да спасу нет от него с его кошками, из любого душу вынет! Я все его фотки с этими кошками сраными посмотрел и даже пару видео. Ну есть же предел? А скажешь что – обижается, как маленький, ей-богу. – Клименков фыркнул. – Так, ладно, я сейчас тебя долго расстраивать не буду – этим сейчас в Комитете займутся. Уже подтвердили возбуждение уголовного дела. Так что слушай, что у нас на повестке дня: дело резонансное, двойное убийство, плюс подросток, плюс Красовский сам человек непростой, на многом завязан был. Короче, без журналистов не обойдется. Я их сюда не пустил, только под обещание, что вечером будет большая пресс-конференция и они там вдоволь смогут напиться нашей крови. Что ты сам-то думаешь?

– Это не обычное ограбление. – Зигунов задумчиво поглядел куда-то вверх. – Тут к бабке не ходи. Все перевернуто, но из ценного на вид ничего не пропало. И зачем он пацана убил? Тот же даже не соображал толком, неужели боялся, что опознает? Какой-то знакомый, друг семьи, раз старик сам ему дверь открыл? Так не было у Красовского никаких друзей... Остается месть. Кто-то из должников...

Клименко согласно покачал головой.

– Да, боюсь, Петр Сергеич, ты прав, и говна мы с этим делом съедим еще не одну бочку. Еще камень этот... Херня какая-то, может, типа послание, намек? Не понимаю... Ты своих орлов в «Деньгомиг» уже отправил?

Опер задумчиво кивнул головой:

– Ага. Родственников ищем.

– Ну ладно. Готовься к прессухе, морально и физически. – Клименков критически посмотрел на мятую рубашку и позавчерашнюю щетину коллеги. – Ты в Управление сейчас сразу? Подбросить?

– Спасибо, я на своей сегодня, давай, удачи.

Они пожали руки, и Петр покинул квартиру, про убийство и предстоящее испытание на пресс-конференции не хотелось даже думать, в голове по кругу летали, натыкаясь друг на друга, унылые рифмы «лужа-стужа-простужен – контужен-не нужен».

За время, что он провел в квартире, опустились тусклые сумерки, окончательно сровняв по цвету серенькое мартовское небо и такие же серые стены домов. Окна горели уютным и оранжевым, люди вокруг спешили скорее скрыться в квартирах от промозглой слякоти, прыгали через лужи у магазина, позвякивая набитыми пакетами, смеялись и переругивались.

Глава 3

Люди есть люди, это Петр знал слишком хорошо. Ими движет жадность, зависть, похоть, слепой гнев, разогретый водкой. Никто не подбрасывает жертве ядовитых змей, не убивает ядовитыми дротиками, пока под рукой есть кухонный нож. Или топор. Но почему камень? Старик собирался отдать его убийце перед смертью, но что это значило? И почему он его в итоге не отдал? Что за послание и почему старик его не отдал? А если оно было так важно убийце, почему он его не забрал? Или это послание не ему? Для всего этого должно найтись объяснение. Обычно эти послания в духе «Дона Корлеоне» – выходки молодняка, играющего в мафиози. Нет, совсем не похоже...

Зигунов перебрал листы с протоколами допросов, в который раз прикидывая, с чего лучше начать и как лучше подать разрозненную информацию, которую собрали его опера за последние три бешеных дня.

Полковник Георгий Иванович Дидиченко, именуемый подчиненными Святым Георгием, хмуро просматривал материалы дела, поглядывая на собравшихся подчиненных с выражением, не сулящим ничего хорошего. Высокий и плотный старик выглядел лет на пятнадцать моложе своего настоящего возраста. В волосах, зачесанных ровно назад, по моде середины прошлого века, еще остались черные пряди, а взгляд выпцветших голубых глаз, пристальный и спокойный, показывал ясный ум. Опыта оперативной службы у начальника управления хватило бы на всех присутствующих вместе взятых.

Комсомолец Дидиченко отправился добровольцем из донецкого хуторка прямо в Афганистан, где служил в разведке и вернулся с двумя ранениями и тут же, прихрамывая и позвякивая медалями, отправился в школу милиции. Рассудительный и неторопливый высокий юноша с приятной улыбкой, который становился лучшим другом свидетеля за пять минут разговора, на уличной работе превращался в стремительного хищника, отслеживающего добычу. Он был бесценным оперативником, настоящей легендой, пережившей смену вождей и знамен, заслуженно получил полковничьи погоны, и никто в Управлении даже шепотом не осмеливался заговорить при нем на тему пенсии. Старый лев, даже седой и усталый, был грозен, и все терпеливо и молча ждали, пока его сухие негнувшиеся пальцы с трудом перелистывают страницы дела.

– Заноза в заднице... – проворчал он, не обращаясь ни к кому конкретно. Полковник сдвинул очки на нос, стараясь навести резкость, но мелкий шрифт было уже не разобрать. – Ладно... Петр Сергеевич, – продолжил полковник после долгой паузы, наполненной шуршанием бумаги и покашливанием, – давайте начнем потихоньку с результатов оперативно-розыскных мероприятий. Что ваши орлы интересного накопили...

Дидиченко обвел взглядом длинный узкий зал: коричневые деревянные панели, тяжелые гардины, мокрая чернота за окнами. «Орлы» выглядели помятыми и недовольными. Республиканский, которому досталась самая неблагоприятная работа по просеиванию через мелкое сито базы должников «Деньгомига», потер кулаком глаза, красные от недосыпа, и что-то тихо пробормотал себе под нос, сидящий рядом оперативник хмыкнул и покачал головой. Зигунов скосил на них глаза, хлопнул протоколом об стол намного громче, чем стоило, и в наступившей тишине начал:

– Георгий Иванович, я бы хотел сначала по поводу домработницы Красовского...

– Ну и что там? Почему ее не было в городе? – оживился полковник.

– Похоже, там все чисто. Пожилая интеллигентная женщина, на последнюю неделю попросила у Красовского отпуск, чтобы съездить в область, к сестре, что, собственно, и сделала. О происшествии ничего не знала, про старика не особо переживала, а из-за мальчика сильно расстроилась. Она у них последние десять лет убирается, говорит, был уже как род-

ной... Про Красовского такого не говорила. Они вообще, видимо, почти не общались, женщина даже не знала толком, чем он занимался, знала, что что-то связанное с банком, и все. Ничего странного в последнее время не замечала... так... – Зигунов перелистывал протокол, страница за страницей, спеша наконец добраться до важного места. – Вот! А теперь самое интересное. Судя по показаниям домработницы, в результате вооруженного ограбления с двумя трупами из квартиры, набитой антиквариатом и тайниками с деньгами... не пропало ничего.

Все голоса и шорохи в зале разом смолкли. Дидиченко нахмурился еще больше и задумчиво постучал карандашом по лакированному столу.

– Уверен? – спросил он после паузы. – Смотри, майор, там столько всего было, все эти мелочи, статуэтки... Как она может сказать с такой уверенностью?

– Ну... Красовский хотел, чтобы все всегда стояло в точности на своих местах, был просто помешан на этом, так что она фотографировала все предметы и вела опись. Мы сверили – кое-что разбито, но ничего не пропало.

– А деньги? – Дидиченко недоверчиво перебирал фотографии полок и стеллажей. – Или их она тоже фотографировала?

– Деньги мы нашли в сейфе, но об этом отдельно. Что касается прочих наличных денег, то, по показаниям той же домработницы, Красовский никогда не носил в бумажнике больше десяти тысяч. – Зигунов ярко вспомнил синие тренировочные штаны на жертве, задравшиеся до колена, и стоптанные тапки на босу ногу. – Это вполне совпадает с тем образом жизни, который он вел. Кроме этого, хозяин квартиры оставлял ей деньги на продукты и мелкие расходы, всегда в одном месте – под янтарной черепашкой в прихожей, и никогда больше десяти тысяч за раз не оставлял. Вот эта черепашка. – Он протянул начальнику управления фотографию, на которой были запечатлены оранжевые и желтые осколки, разбросанные по полу злополучной квартиры. – Она разбилась во время борьбы или позже, когда убийца обыскивал квартиру. Деньги исчезли.

– Ну вот видите, уже двадцать тысяч, – скептически заметил полковник. – Людей и за меньшие суммы убивают.

– Примерная оценочная стоимость янтарной черепашки, которую преступник расколол в поисках денег, – Петр быстро перевернул несколько листов и провел пальцем вдоль страницы, – эээ... Вот! Четыреста восемьдесят пять тысяч рублей.

Послышались удивленные вздохи, один из оперов в конце зала тихо присвистнул.

– Хорошо. – Дидиченко снял очки и медленно протер их платком. – Судя по фотографиям и описанию места преступления, квартира была просто набита антиквариатом. Там ведь, судя по всему, уже работали оценщики?

– А вот тут самое интересное... – Зигунов выудил из папки несколько листов, заполненных мелким шрифтом списками и цифрами, и разложил их перед собой, как карты Таро. – Потребовалось несколько оценщиков и два дня работы, чтобы составить списки. На самом деле в квартире было сразу несколько вещей, взяв любую из которых преступник мог мгновенно стать долларовым миллионером. Например... вот набросок к картине «Водяная мельница», висел над пианино, прямо у входа, – художник Серов, оригинал. Если экспертиза все подтвердит, стоимость от одного миллиона семисот тысяч евро и больше. Статуэтка «Похищение сабинянок», бронза, двести тысяч евро. Всего десять позиций больше миллиона. И всякой мелочи еще, набор фарфоровых статуэток «Маленькие балерины» по пятнадцать тысяч евро за штуку... тут еще три листа. Общая оценочная стоимость колеблется от пятидесяти до ста миллионов. И это без самых дорогих «экспонатов», их нормально смогут оценить только в Академии художеств.

Он замолчал, оглядывая присутствующих. Полковник с каменным лицом разглядывал мокрый снег за окном. Республиканский что-то напряженно подсчитывал в уме, трое оперов из его команды изумленно перешептывались в конце стола. Только Чигаркин с безмятежной

улыбкой разглядывал фотографии изящных вещей и картин. Если бы не его связи с лучшими антикварами города, оценку имущества никогда бы не удалось сделать так оперативно и качественно, и тогда перед начальником управления ему как руководителю опергруппы пришлось бы несладко.

Хорошие специалисты – оценщики, перекупщики, фанаты и игроки антикварного рынка – часто становились для оперативников ценными информаторами, реже свидетелями, а случалось, что и обвиняемыми. И Чигаркин за годы работы в органах успел не только познакомиться, но и даже завести что-то вроде дружбы со многими важными людьми в этом своеобразном бизнесе. Но лишь немногие в отделении знали, что эти важные оперативные связи – всего лишь прикрытия для одной из важнейших страстей в жизни старого опера – музыкальных пластинок.

Истинной целью информационной паутины, раскинутой Чигаркиным, была добыча драгоценных виниловых кругляшей с великолепной музыкой. Led Zeppelin, Pink Floyd, Jethro Tull, редкие коллекционные издания, хранились на полках в его квартире, но настал день, и все связи пришлось направить на благо оперативной работы.

– Теперь что касается счетов, – Зигунов достал новый файл с документами и раскрыл перед собой, – помимо двухсот тысяч долларов, найденных в сейфе, на счетах убитого было обнаружено суммарно...

– Этим уже занимается отдел по борьбе с экономическими преступлениями, – недовольно оборвал его Дидиченко. – Майор, ваше дело – убийство! Давайте держаться ближе к этой линии. Напоминаю, убийство! Антиквариат – превосходная зацепка, каждый предмет уникален, и если убийца вынес из квартиры хотя бы запонку – по этой запонке мы сможем проследить его! – Полковник привстал в своем кресле, разрубая ладонью воздух, несмотря на возраст, ростом он был выше любого из присутствующих, – Первым делом нужно проследить, не всплыло ли что-нибудь необычное у местных антикваров. Вы работаете в этом направлении?

– Связями с антикварами занимался капитан Чигаркин... – Зигунов перекинулся с взглядом со своим подчиненным, тот едва заметно кивнул в ответ седым ежиком.

– Пожалуйста, – полковник, все еще слегка раздраженно, сделал рукой приглашающий жест, – давайте слушаем!

Чигаркин вежливо привстал, поприветствовал собравшихся и раскрыл перед собой пухлую папку.

– На начальном периоде оперативной работы было опрошены владельцы всех крупных и мелких контор в городе и области, скупок и прочего, а также все сколько-нибудь заметные частные коллекционеры. Некоторые из них так или иначе помогали с оценкой. Также разосланы ориентировки в соседние областные центры и в столицу. Если появится хоть что-то необычное, новые продавцы или подозрительные вещи – нам сразу дадут знать.

– И как? – Дидиченко с сомнением посмотрел на безмятежного опера.

– Пока ничего, – развел руками Чигаркин.

– Довольно, спасибо... – болезненно поморщился полковник. – Больше фактов, меньше домыслов, товарищ капитан. Ладно, хватит антиквариата, что у нас по линии, связанной с профессиональной деятельностью, так сказать?

Республиканский и другие опера, занимавшиеся этим вопросом, заерзали на своих местах. Он взглянул на Петра и, получив молчаливое согласие, прокашлялся.

– Так. Вот. У нас ведется работа по опросу клиентов фирмы «Деньгомиг». На данный момент опрошено более тысячи человек, осталось еще сто тридцать семь человек, под подозрением пятнадцать – ведутся дополнительные мероприятия.

– Усильте! – нахмурился Полковник.

– Есть усилить. Раскопошили все – возможные связи с Красовским, армейскую службу, все приводы и жалобы, короче. – Республиканский заторопился еще больше, заметив, как стре-

мительно мрачнеет Зигунов. – Есть среди них один. Егор Мазнев, бывший сержант ВДВ, кон-трактник, возможно...

– Не надо «возможно», – прервал его Дидиченко. – Будут факты – доложите. Что говорят криминалисты?

– Первое. Трасологическая экспертиза входного замка установила, что следы взлома либо отпирания отмычками или другими посторонними предметами отсутствуют. То есть Красов-ский сам открыл убийце дверь.

Второе. В ходе осмотра места преступления с вещей и предметов в квартире изъяты отпе-чатки пальцев. Тогда же были дактилоскопированы трупы Красовского и его внука. Позже получены отпечатки пальцев домработницы. Как и ожидалось, все обнаруженные следы остав-лены данными лицами. Скорее всего, убийца перед нападением надел перчатки. В пользу этого говорит тот факт, что на бумажном свертке, который держал в руках Красовский, не обнару-жено ничьих отпечатков, кроме его собственных.

Далее – по следам крови. На месте преступления изъяты смывы с мебели, обоев и пред-метов обстановки. ДНК-анализ подтвердил, что кровь принадлежит убитым. Под ногтями у жертв чисто. Видимо, они не успели или не смогли оказать активное сопротивление преступ-нику. Также никаких результатов по иным биологическим объектам: ни окурков, ни волос.

Даже четких следов обуви не удалось обнаружить. Либо преступник был в бахилах, либо затер следы после расправы.

Таким образом, все говорит о том, что убийца тщательно готовился к преступлению. Он не оставил ни одной улики, которая помогла бы его идентифицировать.

Начальник управления смотрелся мрачнее тучи.

– Не может быть совсем пусто. Если вы сами говорите, что у убийцы могли быть необыч-ные мотивы, значит, он наверняка хотел как-то выделиться. Такие всегда не могут удержаться и сами оставляют подсказку. Они считают себя чуть ли не богами, хотят поиграть... – Старик обвел взглядом подчиненных, которые были в два, а то и в три раза моложе его. – И этот тоже не исключение.

– Вы имеете в виду камень? – Зигунов быстро пролистал документы. – Экспертиза про-верила его как могла, это обычный кусок гравия: «содержит кварц, полевой шпат, вкрапления мрамора...»

– Да-да, но что он означает? Он оказался там не просто так? Почему? Капитан, как вы думаете?

– Мне кажется, – Республиканский несколько секунд разглядывал лакированный стол, – это что-то вроде предсмертного послания – его передали Красовскому. Вроде как намек Кра-совскому на его каменное сердце или что-то вроде. Возможно, убийца считает себя кем-то типа народного мстителя.

– Народного мстителя, который юрловых детей убивает? – Дидиченко покачал голо-вой. – Хотя мысль интересная, мало ли какие идеи могут соседствовать в голове у этого ублюдка. А ты, Игорь, чего скажешь? Есть интересная догадка?

Чигаркин едва заметно улыбнулся. Старый начальник управления был из немногих, кто всегда держался на его стороне. Только благодаря Дидиченко его не удалось выставить на пен-сию компании недоброжелателей. Полковник чувствовал в толстом добродушном оператив-нике профессиональную жилку и интуитивно не хотел вышвыривать его из органов, пока воз-можно.

– Возможно. Я просто вспомнил, как Красовский кулак сжал с этим свертком, словно даже после смерти отдавать не хотел. Вот я и думаю, а вдруг убийца, наоборот, пришел за этим камнем? Вдруг это что-то ценное для Красовского? Какой-то личный артефакт?

– «...минеральные граниты до семидесяти процентов», – закончил читать Зигунов и закрыл папку. – В лаборатории считают, что, судя по составу, камень с местной стройки, возможно, с ближайшей к дому.

– Но над этой версией тоже стоит подумать, – заметил полковник. – А вы, Петр Сергеевич, сами как считаете?

– Мое мнение – Красовский пытался обжулить неопытного покупателя и положил вместо золота или алмаза камень. Но торг не удался – хитреца перехитрили и наказали.

Дидиченко молча кивал головой, глядя на мокрый снег, пролетающий в темноте за окном, словно он сам тоже обдумывал эту версию.

– Возможно. Шерстите всех любителей антиквариата. Работайте.

– Психи, сатанисты, сектанты – тоже обрабатываем, – добавил Зигунов и кивнул Чигаркину. Оперативник улыбнулся, провел рукой по седому ежику на голове и аккуратно открыл толстую папку, лежавшую на коленях:

– Есть такое, есть такое. Тааак... В Центральном районе, на счастье, у нас всего четыре активных психа с насильственными эпизодами в прошлом. Все четверо отработаны и находятся под наблюдением. Это Шокин, естественно, куда же без него, Вельмин, Кац, это который педофил-неудачник, и, и... секундочку, – Чигаркин перевернул несколько листов, – Нурмангалиев!

Дидиченко даже привстал со своего места и подался через стол, разглядывая черно-белую фотографию в анкете.

– Погоди-ка... Это не тот Нурмангалиев, который дворник? Который сожительницу топором зарубил? Неужели уже вышел? Что там по нему?

– К сожалению, ничего. Полгода назад вышел из стационара, прошел принудительное лечение, сейчас находится под интенсивным наблюдением. У него алиби, он во время убийства в диспансере сидел. А по сектантам и сатанистам... – Чигаркин развел руками. – В нашем городе это большая экзотика, и в основном подростки. В прошлом году был случай вандализма на кладбище... И еще два года назад... Но это все не то, у нас убийство среди бела дня, в центре, в жилом доме, и никаких признаков обряда или жертвоприношения нет. Только этот камень, но это явно не тянет на ритуальное убийство.

Вдруг у Республиканского зазвонил мобильный. Трель повторилась уже громче и настойчивей.

– Разрешите? – спросил капитан у Дидиченко.

Тот, не отрываясь от просмотра папки, кивнул.

– Слушаю... Привет... Да... Когда?... Понял... Попробуем, – и уже убрав телефон: – У нас тут, похоже, одна зацепка нарисовалась...

Полковник хмуро указал всем на дверь:

– Работайте.

Глава 4

Этот район стал частью города не так уж давно, лет двадцать-тридцать назад, не больше. До того он был обычным поселком, каких в области каждый первый... Таким в общем-то и остался. Зигунов это отлично прочувствовал, свернув на раздолбанную грунтовку, ведущую в глубь района. Прочувствовал буквально задницей. Республиканский, который сидел рядом и пыхтел от расстройства чувств, тоже оценил местный ландшафт:

– Да твою ж... – ругнулся он, подскочив почти до потолка на особо выпирающей колдобине.

Волна многоэтажных застроек в Шуист еще не добралась. Частные дома лепились друг к другу маленькими земельными участками, со дворов лаяли цепные дворняги, а вездесущие старушки глазели на подпрыгивающую машину Зигунова с нескрываемым осуждением.

Однако Петра сейчас занимали совершенно другие вопросы, так что даже на отбитый зад и стонущую подвеску машины он почти не обращал внимания. Случилось именно то, чего он и ожидал с самого начала расследования, – ЧП. Но одно дело – ждать чего-то абстрактного, и совсем другое – получить именно то, что насувенирили обстоятельства в реальности. Размышляя над случившимся, опер непроизвольно покосился на Республиканского. Тот сидел, нахлебавшись и мрачнее тучи. Оно в общем-то и понятно. Зигунов даже испытал на секунду приступ жалости к молодому коллеге. Впрочем, это быстро прошло. Короче, пусть теперь пострадает, подумает, отобьет зад на местных ухабах, может, в другой раз умнее будет.

У обшарпанного одноэтажного дома, который и был пунктом назначения, уже стоял узик. Здесь же неподалеку толпились местные жители. Их разгонял немолодой уже полицейский, похоже, участковый или, может, из райотдела.

Зигунов затормозил неподалеку от разбитого забора и глянул на Республиканского:

– Ну что, пошли?

– Пошли, – неохотно пробурчал тот.

Пока они двигались к участковому, Республиканский все-таки не выдержал:

– Товарищ майор, ну вот, скажите честно: кто мог подумать, что такая херня выйдет, а? Я был уверен, что проблем еще можно ждать от того должника-десантника, но уж никак не от какого-то святоши... Потому и наших бычков к нему отправил, а сюда молодую нашу, стажерку... Пусть, думаю, поучится в полевых условиях, дело-то плевое. Хорошо, Шокин позволил...

Зигунов многозначительно посмотрел на подчиненного:

– Ты, Женя, теперь молись, чтоб твое «плевое дело» без жертв обошлось. – Голос майора звучал холодно и жестко. – И в одиночку стажеров по делам об убийстве ни один здоровый на голову опер не отправит. Хоть там миллион раз кажется, что проблем не возникнет. Возникнут, еще как. Заруби себе это на носу. И раз лажанул, будь готов отвечать.

– Слушаюсь.

Республиканский сник и потянулся к карману за сигаретами. Однако сочувствовать ему времени не было.

– Добрый день, коллега, – поздоровался Петр со старым знакомым Республиканского. – Ну как у нас дела?

Участковый в потертой кожаной куртке, Шокин, ответил:

– Пока без изменений, товарищ майор.

– Ясно. А что известно о подозреваемом?

– Таак. Аброськин Дмитрий Степанович, безработный, отец четверых детей. Жена – уборщица в детсаду. Сейчас Аброськин периодически подрабатывает пономарем в местном храме, до этого участвовал в украинских действиях. Уволился в звании майора ДНР, коман-

довал батальоном артиллерии. Инвалид, правая рука отнялась... Мы никуда не сообщали, понятно, что у всех головы полетят... Пробуем втихую уладить...

Зигунов посмотрел на Республиканского, но вопрос задал старлею:

– Давно вернулся?

– Пять месяцев как.

– Угу. Спасибо.

– Петр Сергеевич, – взмолился Республиканский, – у меня этой информации не было. Откуда ж я мог знать, что он не просто хорист какой-то, а солдат?

– Если ты сыщик, то должен выяснять все. А не только то, что на поверхности плавает.

Говорил Зигунов негромко и спокойно, однако все, кто его слышал, почувствовали себя очень неудобно. Впрочем, держать театральных пауз он не стал. Кивнув дотошному старлею – спасибо за работу, мол, – Петр неспешно подошел к покосившемуся забору участка Аброськиных.

Двор перед домом был как на ладони. Покосившийся сарай, почти пустая поленница, детская качель, привязанная к толстой ветке раскидистой яблони, пустая конура с проржавевшей цепью. Все выглядело обветшалым, неухоженным и будто дышало безысходностью. Дом тоже выглядел не лучше: облупившаяся краска на стенах, покривившиеся от времени деревянные рамы в окнах. А за посеребренными от времени занавесками угадываются напряженные фигуры – четыре маленькие и одна побольше. Дети и жена. Лица за потертым кружевом видны плохо, но на кого направлены напряженные взгляды, догадаться нетрудно.

Аброськин сидел за спиной съжившейся стажерки, поглаживал лежащий на коленях сверток, вполне напоминающий автомат, и что-то бормотал себе под нос. Правая рука, застывшая и искореженная, висела вдоль туловища.

– Разрешите начинать, товарищ майор? – спросил Шокин.

– Давно здесь работаете?

– Через год – тридцать будет.

– Я понял. Спасибо. Тогда вам и карты в руки.

Однако инициативу у правоохранительных органов неожиданно перехватили.

– Ну че вы там? Все уже собрались или еще кого ждем?

Вставать с деревянного ящика Аброськин не стал, только голову слегка повернул. Его было хорошо видно в просветы между ветхими штакетинами забора. На небритом лице блуждала нехорошая улыбка.

– Ну навел ты шороху, Диман! – загоготал он и похлопал по колену замершую на лавке стажерку, отчего она сильно вздрогнула и побледнела.

– Эх, конвер-конвер-конвертики мои,
Вы солдатские приветтики любви.
Эй, подружка, ты червончик не жалея.
От тебя солдатик долго ждет вестей...

Допеть дебоширу не дали.

– Ты это прекращай, Аброськин... – по-дружески начал участковый.

– Заткнись! Закрой поддувало, козел драный! Ты сначала хлебни с мое, а потом будешь одергивать. Думаешь, я не знаю, о чем вы тут все шушукаетесь у меня за спиной? Сдурел Димон совсем, кукухой поехал. Жену-детей на произвол судьбы бросил, свалил в пострелушки играть. Нет бы делом каким полезным занялся, хозяйство поднял... Ага, поднимешь тут. Одной рукой! Что, товарищ участковый, не знал, что у меня insult был пару лет назад?

– Слышал, – ответил участковый.

– А как с завода меня сразу выперли, слышал? Как я тут год без работы подыхал, слышал? Хотя в Луганске взяли пушечным мясом, вон, до командира дослужился, и то лафа кончилась. Димка-артиллерист, ха-ха! Ранение имею, после этого рука совсем отнялась! У меня и свой позывной был – Левша, из-за руки. Все уважали, говорили, что правильный командир – жестокий, но справедливый. А вот и тут все. Домой пора.

Аброськин замолчал и как-то сник.

– Так если ты такой образцовый боец, – сразу же вклинился в паузу участковый, – так и веди себя прилично. Девушку отпусти и...

– И что?! Отпущу, а вы всю душу из меня вытрясете. Да что из меня, и насрать... Я ж вас, кровососов, знаю, за детей и жену приметесь.

– Ты что такое...

– Захлопнись, жиртрест! Не то я этой девке враз башку снесу. Лопнет, как переспелый арбуз, только косточки разлетятся! – и он приподнял сверток.

Стажерка на лавочке сжалась в комок, из глаз закапали слезы.

– Не надо, пожалуйста... – тихонько заскулила она. – Пожалуйста.

– Цыц! Тебе тут вообще слова не давали. Даже и не думай меня кинуть, курва мелкая. Я за тобой внимательно слежу, не смотри, что болтаю. У меня глаз наметан. В бою быстро научаешься следить за противником.

– Да никто тебе тут не противник! – крикнул участковый, но Аброськин его, похоже, даже не услышал.

– Все вы противники. Денег нет, еды нет, кредит взял – а процентов набежало в триста раз больше.

У Зигунова учащенно забилося сердце. Он даже кивнул, как бы соглашаясь с Аброськиным.

– А что закладывать? Себя? Детей?!!

Аброськин со всей дури саданул носком тяжелого армейского ботинка по скамейке. Заложница с воплем рухнула на землю, закрывая голову руками и рыдая в голос. Но он ее тут же схватил за руку и посадил обратно.

– Не ори, дура! Чтоб вы подавились этим баблом! Я ж сказал: верну все! Все отдам, что должен, только не сейчас. Отцепитесь уже от моей семьи!!!

Было видно, что мужик с автоматом совсем на пределе. Сам себя накрутил и теперь трясся всем телом, как взведенная пружина. Одно неверное слово, и голова стажерки реально может превратиться в кровавый фонтан. Зигунов сделал два шага вперед, отделившись от группы офицеров. Нужно было как-то разрядить обстановку, а на пузатого Ивана Карповича особой надежды уже не было.

Однако сверток моментально качнулся в сторону движения. И сжимавшая его рука не дрожала.

– Назад, – просипел бывший вояка.

– Так какие у тебя требования, Аброськин? – деловито поинтересовался участковый. – Ты много наговорил, но давай теперь к сути.

– Простые требования, – тяжело вздохнул Аброськин. И с этим вздохом будто сдулся, утратил всю агрессию, которую так долго в себе распалял. За спиной заложницы стоял потрепанный жизнью, немолодой и очень усталый человек с беспросветным отчаянием в глазах. – От детей отстаньте. И от жены. Я сказал заплачу, значит, заплачу. Просто дайте немного времени. А пугать меня не надо, я пуганный. Что по черному ходу ваших бандюков-коллекторов, что по красному – вас, начальничков, бояться не буду. А сунетесь к моей семье, всех положу. Опыт есть.

Пока никто не успел вклиниться, Зигунов поднял пустые руки над головой и пошел к калитке.

– Дмитрий Степанович, у меня нет оружия, и я не хочу вам навредить. Разрешите сказать несколько слов.

Аброськин окинул опера подозрительным взглядом, чуть сдвинулся, чтоб заложница лучше его прикрывала, и кивнул неохотно.

– Говорите, чего уж. Я никуда не спешу.

– Я зайду?

– Не стоит. Я вас и так прекрасно слышу.

Настаивать Петр не стал. Остановился у калитки и произнес самым будничным голосом:

– Дмитрий Степанович, моя фамилия Зигунов, я начальник отдела уголовного розыска. Произошло явное недоразумение. Моя сотрудница и все остальные, кто сейчас здесь, никакого отношения к вашему долгу не имеют.

– Ага, как же. Свести больше, начальник. Твоя пигалица как порог переступила, так сразу начала «корочкой» трясти и про долги «Деньгомигу» спрашивать.

Зигунов вздохнул и послал Республиканскому очередное мысленное ругательство.

– Да, этим вопросом наш отдел интересуется, но в связи с расследованием совсем другого дела. Владелец «Деньгомига» убит, мы ведем следствие, связываемся со всеми должниками. Девушка к вам пришла именно по этому вопросу. Кстати, долги теперь, скорее всего, будут списаны.

Аброськин секунду молчал. На его лице эмоции сменяли одна другую, но в конце концов он ругнулся и захохотал.

– Надо же! Все-таки есть Бог на свете. Грохнули наконец-то старого упыря. Давно пора. Я бы и сам не отказался пустить ему кровь, если б не надо было малых на ноги ставить. Вы когда убийцу найдете, пожмите его руку от моего имени.

– Ну теперь-то вы видите, что вся эта катавасия – всего лишь недоразумение?

Аброськин все еще сомневался, покачал свертком, но в конце концов опустил его вниз.

– Вы ко мне приехали, типа, как к подозреваемому?

– Пока нет. Просто поговорить. Вы девочку отпустите, а мы с вами как раз побеседуем. Если хотите, прямо здесь во дворе и устроимся.

– Лады, давайте тут. Чтоб вашим спокойнее было. А ты иди, – обратился он к заложнице. – Хватит уже тут сопли ронять. Звиняй, что страху натерпелась.

Слушать неуклюжие извинения стажерка не стала. Она вскочила и на нетвердых ногах бросилась к калитке, чуть не сбив по дороге Зигунова. Слезы у нее из глаз лились еще сильнее, чем раньше. Интересно, останется ли она после такого и дальше в убойном отделе? Вряд ли. Хотя если справится...

Петр сел на лавку, как ни в чем не бывало достал ручку, блокнот, но открывать не стал. Вместо этого спросил:

– Вы читать любите?

– Чего?

– Читать. Книги.

– А. Ну да.

– И что читаете?

– Да всякое. Больше, конечно, по военному делу. Это у меня еще папка любил, от него как-то и перешло. Исторические всякие. Пикуля все, наверное, перечитал. Классику, конечно – нашу, русскую. Но и мировую тоже вполне, если не пидоры. В последнее время вот еще духовную литературу отец Григорий дает – Кураева, Осипова, ну святых отцов, понятно.

Аброськин постоял и уселся рядом с майором, явно слегка выбитый из колеи.

– А что? Психологический портрет составляете?

– Да нет. Просто у меня жена в пединституте работает и недавно говорила, что у них в филиале в Шуисте, рядышком с вами, в библиотеке никак помощника толкового найти не

могут. Зарплата, конечно, не ахти, но все же побольше, чем у чтеца в храме. Одна рука для такой работы не помеха. Опять же в столовой института можно очень недорого питаться, а если договориться, то и домой кое-что забирать. Как вам такая идея?

– Что-то ты слишком добрый, начальник.

– Зовите меня Петром Сергеевичем. Так, думаю, удобнее будет.

– На хрена я вам сдался, а? В благодетели рветесь... Петр Сергеевич?

– Нет, просто вспомнилось, вот и предложил.

– Ага, ну конечно... Только у меня есть идейка получше.

Абоськин приставил сверток к подбородку.

– Бах, и дело с концом.

– Да, вполне вариант, – согласился Зигунов. – А дети как же? Жена? Вы столько сил приложили, чтобы их защитить, а теперь хотите бросить? Думаете, без вас они продержатся?

– Дима, – слышался тихий женский голос.

Дверь в дом приоткрылась, в проеме стояла испуганная женщина, а из-за нее выглядывали четыре таких же перепуганных детских мордашки.

– Тьху ты, – сплюнул бывший вояка и положил сверток на колени. – Иди в дом, мать. Все нормально.

– Но...

– Иди, говорю. Мне тут с Петром Сергеевичем пообщаться надо.

Когда дверь закрылась, Абоськин тяжело вздохнул.

– Вот же заноза... Ну так что? Спрашивайте, я расскажу, как есть. Только...

– Да?

– Давайте, может, лучше у вас в машине. А то нормально поговорить теперь не дадут. Я свою бабу знаю.

– Конечно. Давайте в машине, – кивнул Петр и, сильно понизив голос, добавил так, чтобы слышал только его собеседник: – И автомат возьмите с собой. Незарегистрированное оружие надо сдать, тем более если это автомат.

Отец четверых детей посмотрел на опера очень внимательно.

– Веник это. Только купил в хозяйственном. Откуда у меня автомат?

И вытряхнул из пакета с нарисованным бобром в строительной каске желтый новенький веник.

Глава 5

Как и у любого полицейского, да и вообще любого человека, уважающего свою работу, сериалы «про ментов» российского производства вызывали у Зигунова неприязнь. Врач, глядя на то, как на экране артисты в белых халатах и с непременными фонендоскопами на шее временно пересаживают пациенту обе почки, качает головой и выходит покурить. Военный делает кислое лицо, когда киногерой метко стреляет из «узи» на триста метров. Так и майор Зигунов совершенно не мог понять, почему оперативный работник, по мнению создателей сериала, должен быть неизменно бухой или с бодуна, помятый и неопрятный. Он был готов простить сценаристам любые несостыковки, убожество сюжета, который никогда и близко не дотягивал до образцов, знакомых с детства, – Агаты Кристи, Сименона, Конан Дойла, но образ сериального опера раздражал своей нелепостью и безобразием.

Особенно возмутительно обычно показывали личную жизнь героя – он обязательно должен прозябать в мрачной неприбранной берлоге и трахать все, что движется, от плечевых шлюх до полковничьей жены – обязательно сексуальной красавицы (этот пункт казался Петру особенно комичным). Если у опера из сериала и есть жена (тоже сексуальная красавица), то она непременно бросает его, потому что он проводит все время на работе. Герой пытается вернуть жену-красотку с заплаканными глазами, но все безрезультатно – работа всегда важнее.

Зигунов объяснял это безобразие тем, что написанием подобных сценариев занимаются в основном одинокие женщины среднего возраста, которые имеют туманное представление не только об оперативной работе полиции, но и о нормальных человеческих отношениях внутри семьи. Поэтому весь свой опыт они и черпают в подобных же сериалах, рождая порочный круг киноляпов и странных гротескных образов врачей, бандитов, полицейских и их жен.

Оглядываясь по сторонам на своих коллег и знакомых, Петр не мог увидеть ничего подобного, хотя его собственная семья была в этом отношении не образцовой, но все скандалы, которые у них случались, как и во всех семьях, вроде бы завершались относительно благополучно.

Тихая воспитанная девочка из педагогического университета, которую он первый раз заметил в городском парке десять лет назад, стала для него такой женой, о которой он всегда мечтал, – покладистой, но легкой, нежной, но сильной и самостоятельной. И сам Петр, тогда еще старлей, стал рядом с ней серьезней, взрослей и вскоре получил свое первое повышение.

С первого дня знакомства, помимо крепкой любви, их объединяла еще одна общая страсть – литература. Катя изучала поэтов Серебряного века и мечтала об университетской карьере, а он делился с ней (и только с ней) своими стихами и набросками рассказов, которые писал на ночных дежурствах. Это было так давно, еще до свадьбы...

Но молодая семья Зигуновых, пройдя через все неизбежные для молодоженов ссоры и выяснения отношений, вскоре прибавилась папиным счастьем: родился Владик – бойкий мальчуган с отцовским проницательным взглядом.

Шли годы, на погонах молодого опера появлялись новые звездочки, жена защитила кандидатскую и начала преподавать на кафедре литературы. Кате поначалу было тяжело примириться с участием жены опера – муж пропадал порой по много ночей подряд, внезапно срывался на задержание прямо из-за семейного стола, временами ходил угрюмый, ушедший мыслями далеко в работу. Тогда на домашней кухне порой вспыхивала нешуточная гроза, но Катя, выговорившись, всегда первая была готова на мировую, не выдерживая того, как муж на ее глазах превращается в каменную скалу.

Понятно, что молодой еще женщине хотелось внимания, хотелось повеселиться, и она частенько ходила на тусовки со своими коллегами и студентами, приводя к вспышкам ревности у Петра – в убойном отделе подобные мероприятия не проводились. Но Кате удавалось успокоить мужа, и скандал со временем сходил на нет.

Так вышло и в этот раз – ссора закипела бурным валом и быстро отступила, еще продолжая слегка бурлить.

– Ну Петя. – Жена положила свою руку поверх его на лакированную поверхность стола. Она смотрела на него с той особой смесью приязни и печали, которая всегда охватывала ее после семейного конфликта. Его черты медленно смягчались, наконец он вздохнул и ответил ей спокойным взглядом. – Петь, ну ты же понимаешь, в какое нелепое положение ты меня поставил с этим своим Аброськиным... Ну вспомни, разве я тебе говорила, что есть открытая вакансия? Мол, пусть приходит, устраивается. Разве так я говорила?

– Ты же сама сказала, что у вас в библиотеке на Шуисте нужен помощник. Что ваша бабушка не справляется из-за возраста и тяжело... – Зигунов рассеянно поглаживал ее ладонь, словно маленького нежного зверька. – Что по хозяйству надо помогать, ремонт сделать... Это же надеюсь, не в мой адрес был камешек? У меня времени не хватает у себя в квартире ремонт сделать. А тут – решил проблему, мужик хозяйственный... Хотя с одной рукой, но управляется, в отличие от меня...

– Ну! Но не про какую открытую вакансию и речи не шло! А ты мне его прислал прямо с трудовой книжкой в руке в отдел кадров! Ну так же дела не делаются...

– Ну извини, Кать, должен же я был ему сказать что-то, что гарантированно его отвлечет, пообещать ему что-то, не знаю... – Петр удержал ее руку, готовую снова обиженно ускользнуть, и посмотрел жене в глаза простым и ясным взглядом: – Вы же его возьмете в итоге-то?

Катя все-таки смогла ловко высвободиться и улизнула к окну, где принялась разливать по чашкам душистую янтарно-красноватую заварку. Зигунов видел только ее спину и ловкие движения тонких рук, летавших над чайниками и чашками, но уже по одному наклону головы, расслабленно опущенным узким плечам мог сказать с уверенностью – буря миновала, и можно продолжать общаться спокойно.

– Так что? Возьмете?

– Может, возьмем, а может, и нет. – Катя поставила перед ним дымящуюся чашку и легко подвинула блюдце с лимонными дольками. – У нас даже по штату такой должности нет – «помощник библиотекаря». Вот что я тебе тут сделаю?

– Ну если должности нет – ее всегда можно придумать! – Зигунов энергично брэнчал ложкой по фаянсовым краям, пытаясь утопить непокорный лимон. – И потом, необязательно сразу в штат. Возьмите его вне штата. Главное – платить ему какие-то копейки, и чтобы в столовой он мог питаться, чтобы при деле был человек. Это можно попробовать?

– Ну не зна-а-аю... – протянула Катя, глядя куда-то за темнеющее окно. – Попробуем, все будет зависеть от твоего поведения. Можно пристроить на уборщика. Только больше не бубни, и учти, что завтра у нас подготовка к «Алло, мы ищем таланты». Я приду поздно!.

– Влад до семи на программировании? – Он проследил направление взгляда жены и решил, что пришло время перевести тему. Про «Таланты» лучше промолчать. Понятно, что Катя придет поздно и от нее будет пахнуть вином, но что тут поделать – специфика работы. От него тоже, бывает, пахнет спиртным, когда он задерживается...

– Ага... Слушай, Кать, тут у меня такое дело... – Зигунов неожиданно нахмурился и отодвинул чай подальше. Мысли о деле Красовского не давали ему покоя. Жена замерла и насторожилась, ожидая продолжения фразы. – Помнишь, я тебе рассказывал про этого... Про деда, директора «Деньгомига» этого?

Она повернулась, молча кивнула и уселась напротив, глядя на Петра. Конечно, за годы совместной жизни с опером разговоры про убийства, улики, свидетелей давно стояли ей поперек горла. Но она любила мужа, и то, что было интересно ему, было интересно и ей. Во всяком случае, ему так казалось.

– Ну так вот. Была там одна подробность интересная. При осмотре места преступления у Красовского в кулаке обнаружили зажатый предмет, а именно – камушек, завернутый в бумажку...

– Да... Помню, конечно... – Катя осторожно отхлебнула горячий чай и неопределенно пожала плечами. – Камень, перевязанный бечевкой...

– Принес или, наоборот, хотел забрать. Огрел топором и попытался вытащить из руки, но старик так в него вцепился, что сразу не удалось. А там уже внучок на шум из своей комнаты вышел, пришлось разбираться с ним, потом сосед уже начал в дверь стучать и окончательно спугнул...

– Ты уже рассказывал, хватит! – поморщилась Катя. Желания обсуждать кровавые подробности у нее не было совсем. – Так там что-то новое появилось?

– Да в том-то и дело, что нет. А должно. – Зигунов резко отставил чашку. – Дидиченко еще на совещании просил внимание на этот камень обратить. Проверить на связь с сектантами, сатанистами и прочей нечистью. Я не придавал тогда особого значения этому. Ну какие у нас сатанисты? Но чем дальше, тем больше думаю – может, старик прав был? Обычный камень же, щебенка. Кому он еще нужен? Какой в нем еще может быть смысл?

– Петя, к чему ты клонишь? – Катя встала из-за стола.

– Так вот. За последние десять лет у нас по преступлениям с религиозным подтекстом почти что полная тишина. Ничего организованного, по крайней мере. Остаются психи-одиночки, причем кто-то, о ком мы не знаем. Ну я попробовал, конечно, сам поискать в интернете. Но там столько чуши, тяжело разобраться, да и хуже того, что я не понимаю толком, что мне искать? Что за религию? Что за ритуал?

– Нууу... – задумчиво протянула Катя, разминая пальцами мышцы, твердые и под прохладной рубашкой. – Это тебе нужно к батюшке, наверное. Или в семинарию нашу, там точно все про религию знают...

– Да нет. Не то. – Он прикусил губу, подбирая нужные слова. – Просто возможно, что речь идет вовсе и не про христианство. Мне нужен специалист скорее по древним религиям, ну и по современным сектам, которые на эти религии опираются... Я тут вспомнил, ты рассказывала, у вас на кафедре религиоведения курс шел интересный, пару лет назад?

– «История религиозного сектантства в СССР»? Надо же, запомнил!

– Кто там лекции читал? Профессор... эээ...

– Э-эээ... Зорин. – Катя прошла в зад-вперед по маленькой кухне, глядя в потолок и вспоминая. – Вячеслав... Нет. Александр Васильевич. Хочешь поговорить с ним? Он завтра будет на кафедре.

– Лучше будет, если сначала ты его поспрашиваешь, чтобы не пугать профессора. – Петр встал и подошел к темнеющему окну. – Что он скажет про камень? Вдруг Дидиченко прав? Это была бы неожиданная зацепка, которой сейчас не хватает... Поможешь?

Катя посмотрела на него долгим взглядом, фыркнула и развела руками:

– Ну ладно, если это нужно для пользы следствия...

– Спасибо. Я напишу о представлении тебя к награде. Ты давно ее заслужила...

Он поцеловал ее в щеку. Потом привлек к себе, развернул и легко усадил на подоконник. За окном стало уже совсем темно, и фонари заливали ветки оранжевым светом. Из теплой кухни эта картина казалась даже уютной, и Петру на секунду захотелось просто остаться здесь у окна в обнимку с женой и больше никогда не ссориться, как раньше, и никуда никогда не уезжать, ни на какие задержания, совещания, допросы...

– Кать, а Владька скоро вернется? В восемь? – Он отвел прядь с ее лица, погладил по щеке и заглянул в глаза жене с новым выражением.

– Где-то так. Если не опоздает.

– Может быть, тогда?.. – он изобразил бедрами поступательные движения.

– Ммм... ты же вроде говорил, что тебе этого дела хватает на работе... Да и мне тоже...

– Ну... Может и потом... Как ска...

– Ты что туалетной водой моей не пользуешься? – внезапно опять завелась Катя. – Не нравится? Пахнет куревом от тебя!

– Нравится... забыл просто. – Запах лимона страшно раздражал Зигунова, а отказываться от подарка было смерти подобно. Эх, не хотелось начинать новый виток скандала... Кухня сзади осветилась от экрана телефона, а через секунду заиграла бодрая мелодия. Зигунов, чертыхнувшись, оставил жену и поймал аппарат, который гудел и медленно полз по столу, как рассерженный жук. На экране радостный Чигаркин в болотных сапогах демонстрировал огромную щуку. Петр нахмурился и поднес телефон к уху:

– Зигунов. Слушаю.

– Срочно, Петр Сергеич, собирайтесь! – Голос пожилого опера звучал непривычно взволнованно. – За вами сейчас заедут. Убийство у нас...

Глава 6

Виталий Лисичкин был в области фигурой известной, можно даже сказать знаковой. Слышали о нем практически все – от школьников до пенсионеров. И знали, если не лично, то уж по имени и часто мелькающему в СМИ портрету, что называется, каждый первый. Оно и неудивительно. Лисичкин уже много лет занимал пост главреда самой крупной местной газеты – «Юный Ленинец», которая переросла в крупнейший в России новостной портал «Волга онлайн».

В редакцию он пришел еще при Брежневе, зеленым стажером сразу после института. При Брежневе дорос до редактора, а при Горбачеве резво возглавил газету, когда старый главред решил ретироваться с большой сцены.

Лисичкин не слишком скромно именовал себя «голосом общественности, ледоколом, разбивающим айсберги внешней и внутренней политики». Ему прощали. По сути, ему прощали почти все. Уж больно харизматичен и обходителен был Виталий Осипович. Всегда знал, кому улыбнуться, с кем перемигнуться, а кому и поклониться с надлежащим подобострастием. Его поседевшая грива и очки в золотой оправе постоянно мелькали среди властей предрежащих. И со всеми он был накоротке, в дружеских отношениях, каждому оказывал поддержку.

Настоящим талантом главреда «Волги онлайн» была способность мгновенно переобуваться, если этого требовала текущая ситуация. Он менял свое авторитетное мнение не то что на лету, а буквально без единого телодвижения. Казалось бы, вот его обличающее перо в утреннем выпуске обрушивается на «оборотней в погонах, достойных потомках полицейских, душащих ветер свободы в Прекрасной России Будущего», клеймя и раскрывая всю подноготную продажных силовиков, а в обед уже выходит статья о «мужественных сынах Росгвардии, наших мальчиках, дающих отпор гидре оппозиции, фашистских наймитах Запада».

Приходили и уходили секретари райкомов, горкомов и обкомов, затем мэры, депутаты и губернаторы, а главреду «Волги онлайн», казалось, все перипетии, пертурбации и «смены курсов» шли только на пользу. Он заматерел, раздобыл, приобрел валяжность и лоск, присущий очень уверенным и состоятельным людям. Многим уже даже начало казаться, что Лисичкин на своем посту – величина неизменная, царь-батюшка местного печатного слова...

...И вот над его бездыханным телом склонился судмедэксперт, а рядом присел на корточки майор Зигунов, внимательно изучая картину преступления. Следовательно, тот же Крутенков, монотонно диктовал протокол осмотра места происшествия своему помощнику.

Полицию вызвал сосед Лисичкина по даче – выпускающий редактор местного телеканала Дмитрий Петрович Альшин. Услышал крики и как сознательный гражданин тут же набрал нужный номер. Хорошо, что даже в такую погоду местный бомонд предпочитает проводить выходные за городом. А что? Домики у них сплошь «сиротские» – этажа по три (не считая подземных гаражей, саун и бильярдных комнат). Утепленные, с централизованным отоплением и водоснабжением, мобильная сеть и широкополосное подключение к интернету также присутствуют. Можно и круглый год жить, но в городе есть квартира (а то и не одна). Не простаивать же ей без дела.

В любом случае повезло, что на соседнем участке были люди, а то тело Лисичкина могли найти и через неделю – когда бы уже семья и редакция забеспокоились, что от драгоценного кормильца давно ни слуху ни духу. Приходящей домработнице Виталий Осипович дал несколько выходных – съездить на похороны кого-то из родственников. Зигунов про себя усмехнулся: «Иронично получилось, однако».

Тело главреда «Волги онлайн» лежало в гостиной перед камином. Оно было завернуто в одну из сорванных с окна занавесок и насквозь проткнуто, судя по всему, стилизованным вертелом, который вошел в районе печени, а вышел под лопаткой.

Проводя предварительный осмотр места преступления, Петр изучал этот самый вертел особенно долго. Он был сделан в форме шпаги, и это почему-то настораживало, вызывало смутные ассоциации, которые пока что не получалось отловить. Однако Зигунов готов был поспорить, что орудие убийства выбрано не случайно.

Убийца не просто схватил первый попавшийся под руку колющий предмет. Нет, мизансцена была продумана. Точно так же, как и в случае с двойным убийством Красовских.

– Ну что, теперь точно не десантник? – бросил майор, усаживаясь на стул рядом с Республиканским (Чигаркин пошел опрашивать дачников).

Правнук комиссара Богова скривил кислую мину и скрипнул зубами. По всему выходило, что все подозреваемые, которых ему так хотелось пристегнуть к делу, отпадали.

Кроме того, убийство владельца «Деньгомига» и его внука произошло во вторник днем – между пятнадцатью и шестнадцатью часами. Большая часть изначальных подозреваемых на это время имели алиби, так как находились на работе. Также камера, установленная в доме напротив, зафиксировала, что в течение обозначенного часа в подъезд Красовского входили только три человека: мамаша с двухлетним малышом, преклонного возраста женщина и худощавый мужчина средних лет, предполагаемый убийца.

Мать и пенсионерка проживали в этом же подъезде – на пятом и первом этажах. Их опросили несколько раз и никакой связи с убитыми не выявили, кроме того, что обе были с ними знакомы. Старушка иногда болтала с внуком. Неустановленным остался мужчина. После того как судмедэксперты прислали свое заключение, он, по сути, и стал основным подозреваемым. Судя по углу и силе удара, который нанесли Красовскому, убийца был физически хорошо развит, около ста семидесяти – ста восьмидесяти сантиметров ростом, возможно, правша. Эти признаки сразу же отмели женщин – обе были значительно ниже и нанести подобный удар просто не могли.

Да и вообще, среди знакомых и клиенток «Деньгомига» не оказалось женщин с соответствующими параметрами. Другое дело – мужчины. Здесь подозреваемых оказалось хоть отбавляй. Но и их ряды стремительно редели, так как многие не соответствовали по комплекции, кто-то, как тот же Аброськин, нанести нерабочей рукой удар нужной силы не мог.

В пользу версии, что таинственный мужчина и убийца – одно лицо, говорил тот факт, что на записи видно, как в 15:55 он быстрым шагом, почти бегом, вышел из подъезда и направился в сторону центра. Время выхода и поспешность, с которой он покинул подъезд, прекрасно соотносились с показаниями соседа, который рассказывал, как стучал в квартиру, услышав крики внука Красовского, наверняка он спугнул убийцу и заставил того ретироваться.

Кроме того, что касается Аброськина, то его оправдывал еще и тот факт, что у него нашлось неопровержимое алиби – в момент совершения преступления Дмитрий Степанович по просьбе алтарника протирал подсвечники, что тот официально подтвердил.

Что же касается приснопамятного десантника, то и с ним у Республиканского вышел облом. Бывший вояка на гражданке занимался частным извозом и с трех до четырех часов во вторник как раз вез в аэропорт семейство, улетающее на отдых в Турцию. Информацию подтвердила и диспетчерская служба такси, и клиенты, как, впрочем, и сейчас: он сутки работал на извозе в центре города. Да и Аброськин во время убийства журналиста убирался в хранилища библиотеки педагогического университета, это сразу проверили.

– Ладно, – подытожил красноречивое молчание Зигунов и встал со стула, поправив постеленный пакет – чтобы не уничтожить улики. – Пойду с экспертами пообщаюсь.

У тела что-то негромко обсуждали судмедэксперт и криминалист. Майор подошел к ним, еще раз глянул на тело и задал вопрос:

– А скажите мне, господа специалисты, какие у нас предварительные выводы? Убитого проткнули этой... шпагой после смерти или еще до нее?

– Судя по количеству крови на ткани, – отозвался медик, – до. Смерть наступила в результате массивной кровопотери.

– При том удар убийца нанес очень сильный. Проткнул и занавеску, и самого Лисичкина, и даже на стене вмятину от острия оставил, – добавил криминалист, ткнув пальцем в нужное место у окна.

– Да, постарался он изрядно. Но действовал не слишком аккуратно, – продолжил задумчиво судмедэксперт, переступил через тело и указал пальцем на пол. – Похоже, что вертел прошел мимо сердца, через плевру и легкое, вызвав пневмоторакс. Затем он упал и сильно ударился головой об пол... Вот, травма в височной части, видите? Более детальную информацию смогу дать только завтра, после вскрытия.

– Ну да, понятно. Спасибо.

– Гость, очевидно, был, – начал докладывать криминалист, – замок не взломан, второй стул отодвинут. Четких следов обуви не обнаружено, очень похоже на использование бахил. По отпечаткам пальцев тоже ничего хорошего: спинка стула, входные ручки, рукоять шпаги – все протерто. Убийца – человек, очевидно, опытный. Правша, рост около ста семидесяти сантиметров. Обладает значительной силой.

Зигунов кивнул и пошел в соседнюю комнату, где давал показания сосед Лисичкина – тот самый выпускающий редактор местного телеканала, который и вызвал полицию.

– Можно я присоединюсь? – спросил майор у оперативника, ведущего протокол.

– Да, конечно, Петр Сергеевич. Присаживайтесь.

Зигунов сел на соседний стул и внимательно посмотрел на Альшина. У того было слегка покрасневшее лицо, а рядом на столе стояла изящная серебряная фляжка с гравировкой, откуда отчетливо доносился запах коньяка. Хорошего, дорогого. Губа у выпускающего редактора была не дура. Впрочем, в сложившихся обстоятельствах любого нормального человека потянет хлебнуть горячительного. Правда, выглядел он хоть и разомлевшим слегка, но вполне адекватным.

Крутенков показал свидетелю фотографию вертела-шпаги с экрана телефона.

– Посмотрите еще раз, пожалуйста, – обратился он к Альшину. – Вы точно не узнаете эту вещь? Может быть, Лисичкин пользовался чем-то подобным или держал в качестве сувенира?

– Точно не узнаю, – покачал головой тот. – Мы с Виталькой... с Лисичкиным, в смысле, частенько пикники-шашлыки устраивали, и этой хреновины я ни разу у него не видел. Мы обычно все на решетке готовили или на маленьких шампурах. Вы их у камина должны были видеть. Красивые такие, с головами животных. Кто-то из приятелей ему подарил несколько лет назад. Так с тех пор Виталька только на них все шашлыки и делал – любил зарисоваться. А чего, вещь эксклюзивная, дорогая... Но вот этой фигни я у него никогда не видел.

В гостиной у камина действительно стояло специальное ведерко, в котором были сложены два десятка изготовленных на заказ шампуров. С головами зверей, все как и говорил свидетель. И все они были довольно короткие, не больше пятидесяти сантиметров в длину. «Шпага» в этот набор никак не вписывалась, да и выглядела она дешевой поделкой, а не произведением кузнечного искусства.

В комнату вошел Республиканский, майор ему кивнул – садись, мол, не маячь, – и снова повернулся к свидетелю:

– Подумайте еще. Может быть, вы видели такой вертел у кого-то из соседей или, возможно, из знакомых кто-нибудь привозил?

– Да нет. Точно. Зачем для домашнего пикника такая дурында? Кабана на ней, что ли, жаривать? Так сколько это народа и времени надо? Хотя нет, для кабана эта «шпага» еще и короткая будет. Для поросенка разве что... Короче, нет. Бестолковая какая-то фигня. Для шампура – слишком длинная. Неудобно. Для нормального вертела – коротковата. В качестве подарка?... Ну не знаю. По-моему, уж лучше нормальную шпагу купить. Антикварную какую-

нибудь. Нет, определенно, Виталька бы такую штученцию не оценил даже в качестве подарка. И не вертел, и не шпага... Хотя сработала, – угрюмо закончил ТВ-редактор и хлебнул из своей фляжки.

Опера переглянулись. Возразить было нечего.

– Вы, я так понимаю, с покойным были в дружеских отношениях, – продолжил Зигунов.

– Конечно, в дружеских. Столько лет уже вместе, по сути, работаем. Если все посчитать, годков тридцать набегит, не меньше. Я ж тоже в «Юном Ленинце» начинал. Потом, правда, на телевидение ушел, но с Виталькой мы никогда связь не теряли. Дачи рядом опять же. В общем, да, дружили.

– Часто в гостях бывали?

– Само собой. И в гости ходили, и выпивали, и семьями общались. Виталь... Лисичкин, вообще, хороший мужик был. Сердечный, хлебосольный. По долгу службы, конечно, в газете ему печатать всякое приходилось, но лично я с ним никогда из-за этого не конфликтовал. Всем же ясно, в какой мы сфере работаем.

– Вы – хорошо. А другие? Неужели он никого не задел, не обидел за все годы работы?

– Нет, ну всякое, конечно, бывало. Но у него такой характер, понимаете?.. Он легко с людьми сходилась, налаживал контакты. Вы – нам, мы – вам. Все счастливы, все друзья.

– А почему он в занавеску замотан? – встрял в разговор Республиканский. – Ритуал какой-то? Или, может, так принято было шутить среди ваших знакомых?

Телевизионный редактор посмотрел на опера как на умственно отсталого:

– Какой ритуал, что за бред? Мы нормальные люди все. И в прятки играть в нашей компании было уже не принято. Не тот возраст, знаете ли.

– Может, с внуками играл? – продолжал гнуть свою линию Республиканский, набычившись.

– И так и остался, замотанный в занавеску, дожидаться убийцу? Что-то я сомневаюсь.

Свидетель уже не скрывал издевательских ноток в голосе. В общем-то было из-за чего.

Зигунов многозначительно посмотрел на помощника и следующий вопрос задал сам:

– А в гостях у Лисичкина мог кто-то быть? Вы, случайно, машину какую-нибудь в окно не видели или, возможно, он сам говорил, что ждет посетителей?

– Нет, я никого не видел. Но это ничего не значит, я ж не слежу, кто там по нашей дороге ездит. Говорить Виталька тоже ничего не говорил. Но у него всегда столько народу терлось, что и смысла говорить об этом не было. Издержки профессии. К нему приходили все, кому не лень. Похвастаться, пожаловаться, информацию слить или просто излить душу. Он всех принимал. Я ему говорил, чтоб он в дом не пускал всех подряд. Только без толку. Он с возрастом разленился сам ездить, так что принимал желающих или в редакции, или здесь. Ну вот и допринимался...

На глазах выпускающего редактора выступили слезы. Наверное, алкоголь сработал.

– Заказных материалов Лисичкин много публиковал? – тут же задал следующий вопрос Крутенков, чтоб не дать свидетелю погрузиться в свои переживания.

– Ну что вы за глупые вопросы задаете? – шмыгнул тот носом в ответ, и слезы сразу высохли. – Как дети малые, ей-богу. Это же бизнес. На правах рекламы может пойти любой текст – хоть про БАДы, хоть про закулисные интрижки мэра. Только расценки разные будут. Это не преступление. Виталька всегда говорил: «У нас все законно. Мы просто доносим информацию до общественности». К любому материалу, который мог бы вызвать проблемы, просто пишется дисклеймер «мнение редакции может не совпадать с мнением авторов». Или что-то подобное. И все, взятки гладки.

– Но ведь случалось, что статьи и к тяжелым последствиям приводили. Срыв нескольких крупных сделок у «Медтехники», например. Или снятие с должности начальника «Горводоканала» в прошлом году. Как мне помнится, как раз из-за серии обличающих материалов в «Волге онлайн».

– Да, такое тоже случилось. Но всем же понятно, что нужно не на топор, а на дрово-сека смотреть. Виталькины статьи выходили, уже когда все решения были приняты. Чисто для создания определенного общественного мнения. Ничего больше. Серьезными делами занима-ются серьезные люди, так что расклады прекрасно все понимают. Нет, на Витальку никто зла не держал, все знают, что в нашем деле «ничего личного, джаст бизнес».

Глава 7

Когда я шел по улочке старинного дачного поселка, было тихо и спокойно. Я был тонким, нервным, то решительным, то нерешительным. И очень нравился сам себе именно таким.

Где-то в стороне журчала вода, я прошел по тропинке у заборов и оказался у неширокой, но довольно быстрой реки среди гигантских плакучих ив. Место было заброшенное, болотистое, купались и ловили рыбу дачники чуть дальше – на золотистом пляже, но не сейчас, все же холодно слишком.

А сюда, видно, люди давно не приходили. Пустота была благодатная, тоскливая и безнадёжная. Словно для меня могучие северные боги вкопали здесь огромный камень, покрытый мхом, и я, конечно, сел на него.

Помолчал, глядя на воду и на нервно дрожащие камыши, терзаемые ветром.

Шпага моя вошла в этого шута невероятно легко. И все это вышло очень по-киношному, по-театральному. Жалкий паяц в бархатном халатике, потерто-черном, который, наверное, ему самому казался невероятно благородным, но, в сущности, оставался реквизитом, как и моя шпага.

Костюмом из костюмерки, как и его тапочки с загнутыми носами.

Шпага прошла как сквозь какой-то матрац или подушку, что-то мягкое, податливое, бесполезное. Шут заквакал, забулькал, что-то крикнул и потом уже обмяк и свалился на пол, сорвав занавеску с гардины. Хорошо, она сама не упала, лишний шум был не нужен.

Я убрал в сумку пистолет и осмотрелся. Очень хорошо. Никаких следов я вроде бы не оставил, но не мешает все протереть. Я надел на ноги бахилы, извлек влажные салфетки и принялся протирать все, чего мог коснуться, – стол, дверные ручки, рукоятку шпаги.

Шут лежал спокойно и величаво, без той ненужной суеты и фальши, которая совсем недавно делала его смешным и жалким.

Со стороны, я вдруг подумал, эта сцена выглядела до чрезвычайности нелепо – почему он завернут в занавеску? Интересно, что подумают менты. Ну очевидно, что я ему приказал. А зачем?

Интересно, они поняли мое послание?

Я отколупал от камня кусочек мха и бросил его в воду.

Загадка. Зачем я это делаю? Что-то во мне заставляет это делать?

Наверное, нет.

Я хочу, чтобы мое послание поняли люди и изменились к лучшему? Это точно нет.

Я хочу очистить общество... нет, этот бред я даже продолжать не буду.

История с занавеской и шпагой была невероятно яркой. Куда ярче, чем с тем старикашкой и его внучком. Все сошлось, сошлось в одной точке. И даже глаза внука. Полные мудрости, доверия, любви – я ждал их, и они были.

Они любили, благословляли меня, прощали меня, даже когда застыли карим хрусталем.

Вот, наверное, чего я хотел, – этого выпрямления линий и соединения всех этих линий, прошлого, настоящего и будущего, написанного, придуманного и реального, миллиона линий в одной точке – в моем сердце, а потом в кончике моего орудия, забирающего у них жизни.

Глава 8

Полковник Дидиченко имел твердое убеждение, что в человеческой жизни, кроме длительного артобстрела или тяжелого ранения в живот, действительно неприятных ситуаций случается не так уж много. И никакие звонки сверху, от которых другие руководители не спали ночами, считая убывающие звездочки на погонах, не могли заставить старого Полковника отрываться на подчиненных, устраивая «горячие» летучки. Напротив, чем напряженней обстояли дела, тем спокойнее и медлительнее Дидиченко протирал платком очки, внимательно и терпеливо выслушивая все версии.

– Товарищи!

Полковник начал в стиле лучших своих времен, и в его взгляде читались твердость и решимость, неожиданная для человека его лет. Опера притихли, рассевшись за длинным полированным столом. Все глаза смотрели внимательно на пожилого плотно сбитого сыскаря, который не спеша протирал толстые линзы очков. Наконец он водрузил очки обратно и начал спокойно и обстоятельно, делая паузы и внимательно разглядывая собравшихся.

– Как все вы понимаете, ситуация дала серьезный поворот. Лисичкин – это фигура регионального масштаба. И губернатор, и мэр – оба были друзьями убитого. Ну а мэру, кроме этого, напомню, он организовал предвыборную кампанию при полной информационной поддержке всех подчиненных ему изданий, а после победы долгое время руководил пиаром городской мэрии. Оба они уже звонили мне. Да. – Дидиченко обвел зал совещаний взглядом поверх очков. – Я не буду вам пересказывать все подробности этого разговора, скажу только, что он был неприятным и указания мною были получены очень жесткие. Нам предстоит провести оперативно-розыскные мероприятия в крайне сжатые сроки, и я прошу вас отнестись к задаче со всей серьезностью и поработать со всей отдачей. Не буду скрывать, дело хотят передать в Москву, и если это произойдет – я думаю, вы все люди взрослые, объяснять никому не надо, что нас по головке никто не погладит и к награде не представит.

Опера переглядывались с мрачными усмешками, прикидывая в уме, когда в следующий раз им удастся получить выходной.

– Но... – полковник хлопнул ладонью по лежащей перед ним папке, – работа уже ведется, и я уверен, что мы справимся с задачей и ни в какой передаче дела необходимости не возникнет. Ну а теперь начнем, работа по очевидным направлениям уже ведется, но я хотел бы выслушать все ваши версии. Прошу. Республиканский, я вижу, вы хотите высказаться.

Чернявый оперативник действительно с самого начала совещания ерзал и тянул худую шею, пытаясь заглянуть полковнику в глаза, а когда Дидиченко заговорил про версии – чуть ли не принялся тянуть руку, как отличник-первоклассник, и, когда ему дали слово, благодарно просиял и начал докладывать уверенно и с огоньком, лишь изредка заглядывая в свои записи:

– Товарищ полковник, у меня есть очень сильная версия, которая практически не вызывает сомнений, у меня лично. Я сам вообще «Волгу онлайн» читаю давно и хорошо, так сказать, знаком с творчеством убитого Лисичкина. Так вот, в последние несколько месяцев это издание выпустило несколько больших статей и расследований, разоблачающих так называемых «оппозиционеров»: режиссера, выпускавшего в нашем ТЮЗе якобы детские спектакли с подозрительным контекстом, фонд правозащитный этот... «Европейское право», которые давали своих адвокатов всем, кто по 282-й проходил... Потом еще по московским иностранным агентам он прошелся, и ох, хорошо он прошелся по либерастам этим!..

– Хорошо, товарищ лейтенант, давайте держаться ближе к фактам, пожалуйста, – остановил его Дидиченко.

– Так вот. Думаю, что его устранили в связи с его профессиональной деятельностью – «Волга онлайн» наступила на хвост кому-то, и Лисичкина уничтожили киллеры. Возможно,

эти люди связаны с оппозиционным блоком. Возможно, дело касается государственной безопасности. – Республиканский выразительно оглядел зал. – Но, как верно заметил товарищ полковник, нам не годится выносить сор из избы, и наши сотрудники обладают достаточным уровнем профессионализма и компетенции, чтобы ФСБ...

– Хорошо, хорошо. – Полковник указал на толстую папку, которую Республиканский бережно положил рядом с собой и несколько раз поправил, чтобы она располагалась строго параллельно линии стола. – Я вижу, вы уже кое-что подготовили в поддержку своей версии?

– Да, конечно! – Опер светился, как начищенная пуговица на парадном мундире. – Я подготовил подробный отчет. Кто, когда, чего. И составил оперативный план. Нужно пройти по этим организациям из списка: штабам оппозиционеров, к адвокатам этим зайти, в театр, по всем из неблагонадежных, и потряхнуть их хорошенько. Посмотрим, у кого у них мог быть конфликт с Лисичкиным. Писал он хлестко, жестко, а личное оскорбление – мотив для такого убийства. И в Москве, я думаю, будут довольны такой инициативой.

Полковник выслушал, кивая головой, попросил посмотреть папку с отчетом, пролистал, останавливаясь несколько раз, и, поблагодарив, вернул обратно.

– Что же, товарищ лейтенант, ваша версия вполне достойна рассмотрения, дальнейшую работу над ней поручаю вам, исполняйте.

Республиканский, как мог, вытянулся за столом по стойке «смирно».

– Так точно, товарищ полковник!

– Хорошо. Мнение молодых кадров мы услышали, а что скажут зубры нашего управления? Игорь, что думаешь?

Чигаркин в ответ заглянул в свои записи, тяжело вздохнул, побряхтел немного, прочистил горло и начал:

– Я, товарищ полковник, полностью согласен с молодыми кадрами, – он выразительно посмотрел на Республиканского, который деловито наводил порядок в своей папке. – Лисичкин в первую очередь, так сказать, информационный рупор города и области. И заткнуть этот рупор хотелось многим. Но не стоит забывать, что кроме этого, «Волга онлайн» была еще и весьма прибыльным бизнесом, а деньги, тем более большие деньги, – это отличный мотив.

– Так... Речь идет о заказных публикациях? – нахмурился Дидиченко. – Да, конечно, все об этом говорят, но прямых доказательств пока нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.